УДК 343

Кириенко Николай Александрович – ст. преподаватель кафедры юриспруденции Биробиджанского филиала ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (г. Биробиджан). *E-mail: biramgu@mail.ru*

Nikolay Aleksandrovich Kirienko – senior lecturer of the law chair of the Birobidzhan branch FGBOU VPO "The Amur state university" (Birobidzhan).
E-mail: biramgu@mail.ru

N.A. Kirienko

Краткий исторический экскурс в законодательном определении организованной преступности в России XVII – XXI вв.

В статье раскрывается история развития института «организованной преступности». Учитывая, что исторический аспект данного вопроса не получил должного освещения в научной литературе, рассмотрение истории российского законодательства в части ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) еще более актуализируется.

***Ключевые слова**: организованное преступное сообщество, соучастие, преступная организация, уложение, уголовный процесс.*

Short historical excursus in the legislative definition of organized crime in Russia in the XVII-XXI centuries

The history of the Institute of "organized crime" development is observed in the article. Taking into account that there is no coverage of the historical aspect of this question in scientific literature, the studying of history of the Russian legislation regarding the responsibility for creation of criminal community (the criminal organization) becomes more actually.

***Keywords**: organized criminal community, complicity, criminal organization, law, criminal process.*

Впервые понятие «преступное сообщество» (как форма соучастия) получило законодательное закрепление в XVII в. в Уголовном уложении 1649 г. – отмечает А.Н. Трайнин [1]. В нем упоминается вид сообщества в форме скопа и заговора: «… также самовольством, скопом и заговором к царскому величеству, – и на его государевых бояр и окольничих, и на думных, и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей, и ни на кого никому не приходите, и никого не грабити и не побивати. А кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и окольничих и думных и

ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей, или на кого ни Оуди, приходит скопом и заговором и учнуги кого грабити, или побивати, тех людей, кто так учинит, за то потому же казнити смертию, без всякие пощады» (ст. 18).

Более полное развитие институт сообщества получил в Уставе благочиния или полицейском (1782 г.). Согласно ст. 65 данного Устава, «… Управа Благочиния в городе законом неутвержденное общество, товарищество, братство и иное подобное собрание (под каким бы названием ни состояло) не признает за действительное, буде у таковых окажутся обязательства, правила, положения или постановления, то ни во что не вменять: буде же такое общество, товарищество, братство или иное подобное собрание общему добру вред, ущерб или убыток наносить либо бесполезно, то подлежит уничтожению и запрещению». Само покушение на организацию подобного сообщества подлежало наказанию: «Буде кто учнет заводить, или зачнет общество, товарищество, братство или иное подобное собрание, без ведома или согласия Управы Благочиния: да отдается, яко ослушник, по стражу, и отошлется в Суд, где поступать как взысканий», – гласит статья 235 этого Устава. В Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, принятом в 1857 г., сообщества различались на незаконные и тайные.

А.И. Гуров отмечает, что в царской России были группы конокрадов, которые насчитывали до 300 чел. Они имели свои деревни, где перекрашивали лошадей, поддерживали связь с полицией [2]. Данное деяние приобрело такой размах, что государство было вынуждено выделить в самостоятельную норму, устанавливающую уголовную ответственность за покупку или сбыт заведомо похищенной лошади. В соответствии со ст. 931 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, «… виновный в подкупе или сбыте заведомо похищенной лошади подвергается: лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения».

Дальнейшее уголовно-правовое закрепление такой формы, как преступное сообщество, получило в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. В ст. 264 Уложения говорится: «Злоумышление во всех вышеозначенных видах постигается действием преступным не только в случае, когда виновным сделано уже покушение для приведения своих преступных намерений в исполнение, но и тогда, когда он, через предложение другому принять в них участие, или через составление на сей конец заговора или сообщества, или через вступление в такое сообщество или заговор» [3].

Обращает на себя внимание то, что в Уложении не говорится о степени тяжести преступлений, целях, для достижения которых создается преступное сообщество. Более того, в нем содержится норма, которая предусматривает уголовную ответственность основателей и начальников обществ, «… хотя и не имеющих явно преступной направленности против спокойствия или целости государства, но старающихся посредством каких-либо неуказанных и

недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных, губернских и других местных учреждениях, или же в постановлениях, коими определяются дарованные или утвержденные высочайшею властью право преимущества или вообще права существующих в государстве состояний или сословий, или же достигнуть иной политической, без ведома правительства, цели» (ст. 348).

Предусматривалась ответственность и рядовых членов общества. В ст. 348 Уложения говорится, что вступившие в такое общество, зная о его целях, приговаривались к лишению всех лично и по состоянию присвоенных или особенных прав и преимуществ, и к ссылке в Иркутскую или Енисейскую губернии на срок от двух до трех лет с запрещением выезда в другие Сибирские губернии. Не исключалось и наказание в виде битья розгами. Вид наказания и его срок определялись в зависимости от знания членами общества цели последнего. Так, например, предусматривались применение наказания в виде отдачи в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на срок от четырех до восьми лет и заключение в крепость на срок от шести месяцев до одного года. Конкретный срок зависел от степени участия в действиях общества и других обстоятельств.

В самостоятельную норму выделялась ответственность лиц за предоставление жилища для собрания «зловредных обществ» (ст. 351). Был регламентирован вопрос об имуществе, принадлежавшем тайным обществам: «Все имущество, принадлежащее тайным обществам: книги, бумаги, инструменты, знаки какого-либо рода, мебель и т. п., конфискуется, если не будет принадлежать истреблению, продается в пользу местного приказа общественного презрения» (ст. 352). Предусматривалось наказание в случае, если лицо не будет отдавать вещи, подлежащие конфискации (арест от трех до семи дней).

Помимо понятий «общество» и «сообщество», Уложение определяло еще одну форму организованного преступного формирования – «шайка», хотя определение ему не давалось. Из анализа же норм, изложенных в Уложении, можно понять, что эти понятия используются как слова-синонимы. Так, в ст. 926 говорится, что наказаниям подвергаются основатели и начальники шаек или сообществ для противозаконного провоза подлежащих акцизу питей, для провоза контрабанды и «… вообще для производства запрещенной торговли или же для запрещенной законами игры, или для подкупа чиновников или служителей какой-либо части управления». Последнее, как мы видим, является прообразом такого квалифицирующего признака организации преступного сообщества (преступной организации), как совершение лицом деяния с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 210 УК РФ).

Отдельно выделялась уголовная ответственность для лиц, изобличенных «… в доставании заведомо злонамеренным шайкам или сообществам оружия или же иных орудий, или других каких-либо средств для совершения преступлений» (ст. 928). Предусматривалась уголовная ответственность для притоносодержателей (то есть всех тех, кто заведомо позволяет лицам,

принадлежащим шайке, жительствовать или хотя бы временно останавливаться или укрываться в домах или иных каких-либо местах), для укрывателей преступников или их сообщников, принимающих от шаек принадлежащее им на сохранении или для реализации вещи или иное похищенное, или же тайно провезенное, или фальшивые монеты, или поддельные государственные бумаги».

Лица, которые не имели прямых отношений с шайкой или даже не знали о ее существовании, однако, занимались в виде «… промысла скупом и перепродажей заведомо похищенного или противозаконно провезенного», приговаривались к лишению прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения.

В 1867 г. появляется новый Закон «О борьбе с противоправительственными сообществами». Данный закон карал за образование преступных сообществ, недонесение о них, а также допущение преступных собраний в своих жилищах. Через семь лет, в 1874 г., был принят новый закон, направленный против политических организаций [4]. Отличительной чертой Закона 1874 г. является перечисление условий, при которых преступное сообщество считается более опасным, если оно приняло особые меры к сокрытию от правительства своего существования или тайному расширению круга своих действий, а также если оно разделено на отделения или кружки под одним общим управлением; если члены оного обязались безусловным повиновением какому-либо, хотя и выбранному ими, руководителю; если имена руководителей хранятся в тайне от других членов. Закон предусматривал ответственность за недонесение о сообществах, покушение на образование противозаконного сообщества и допущение их собрания.

Дальнейшее развитие института преступного сообщества (преступной организации) получило в Уголовном уложении от 22 марта 1903 г. В нем, в частности, отмечалось, что согласившийся принять участие в сообществе для учинения тяжкого преступления и не отказавшийся от дальнейшего соучастия, но не бывший соучастником тяжкого преступления или просто преступления отвечает только за участие в сообществе [5].

Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность священной особы царствующего императора, императрицы или наследника престола или на низвержение царствующего императора с престола, или на лишение его власти верховной, или на ограничение прав оной, наказывался бессрочной каторгой. Посягательством признавалось как совершение данного тяжкого преступления, так и покушение на него. Предусматривалось наказание каторгой без срока.

В ст. 126 говорилось, что виновный в участии в сообществе, заведомо воспрещенном в установленном порядке, наказывался заключением в крепость на срок не свыше одного года или арестом. Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение

существующего в государстве строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывных веществ или снарядов, наказывался каторгой на срок не свыше восьми лет или ссылкой на поселение. Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад с оружием, то виновный в участии в таком сообществе наказывался срочной каторгой.

Новеллой, по сравнению с Уложением 1845 г., явилось то, что Уголовное уложение предусматривало условие смягчения наказания или полного освобождения от него участников противозаконного сообщества. Этим условием было донесение о таком сообществе до его обнаружения.

Нормы, направленные на борьбу с преступными сообществами, предусмотренные в Уголовном уложении 1903 г., получили свое развитие в Указе правительственного Сената от 4 марта 1906 г. Статья 6 Указа запрещала «… сообщества, преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещению уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности» [6].

Уголовно-правовое закрепление в советский период понятие «преступное сообщество (преступная организация)» получило в УК РСФСР 1926 г. Ст. 58 этого Кодекса гласила: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных УК РСФСР преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, влекут за собой меры социальной защиты». К таким мерам социальной защиты законодатель относил: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства; лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях; лишение свободы в общих местах заключения и др.

Как уже отмечалось, преступное сообщество (преступная организация) не является каким-то неожиданным для нас явлением. Оно имеет свои исторические и правовые корни. Еще в царской России существовал криминальный слой профессиональных преступников, наиболее организованную часть которых составляли представители воровских сообществ. Обстоятельства, сложившиеся в России после октября 1917 г., обусловили необходимость объединения профессиональных преступников в нелегальную корпорацию и выработки изощренной системы преступной деятельности. Одной из форм такого объединения является «воровское движение».

Современные «воры в законе» считают себя потомками настоящих и мнимых князей. Это идет из 20-30-х гг., когда «нэпманские воры» для поднятия своего авторитета распространили легенду о происхождении своей воровской касты от атаманов разбойных шаек, живших в X – XI вв. и якобы принадлежавших дворянскому сословию. Среди этой касты в качестве столпов обязательно должен был быть «положенец» – уголовный авторитет, наделенный «воровскими» обязанностями и правами на определенный срок, который затем становился бы «вором в законе»; «смотрящий» – криминальный

авторитет, контролирующий определенную территорию или объект и находящийся под покровительством «воров в законе» [7].

Современный этап развития института преступного сообщества (преступной организации) связан с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 г., в котором предусмотрена такая форма соучастия, как «преступное сообщество (преступная организация)» (ст. 35 УК) и состав преступления «организация преступного сообщества (преступной организации)» (ст. 210 УК).

Приведенный анализ развития института преступного сообщества (преступной организации) позволяет ввести периодизацию его истории. В ее основу можно положить хронологию принятия уголовных законов и закрепление в них организации преступных формирований в качестве самостоятельного состава преступления. Нам представляется, что предполагаемая периодизация должна состоять из четырех этапов.

Организованной группой признаётся устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3, ст. 35 УК РФ). На устойчивость этого преступного объединения указывает продолжительность его существования во времени. Это может быть время, истекшее с момента формирования группы до момента совершения первого из числа запланированных её участниками преступлений. Это может быть и отрезок времени, в пределах которого её участниками совершались преступления. В то же время, продолжительность существования такой группы во времени указывает на более высокую степень согласованности в преступном поведении её участников (по сравнению с нижестоящими формами соучастия).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ обоснованно усмотрела в действиях виновных состав преступления – похищение человека, совершенное организованной группой. Она отметила, что доводы жалоб о недоказанности вины Д. и К. в преступлении, об отсутствии признака совершения преступления «организованной группой» несостоятельны, поскольку характер и согласованность действий, четкое распределение ролей, использование автомашины во время похищения и в дальнейших действиях, длительность насильственного удержания Б. в чужой квартире, корыстный мотив преступления опровергают эти доводы [8].

Помимо временного признака, на высокую степень согласованности и устойчивости связей между участниками организованной группы может указывать существование плана преступной деятельности с обозначением в нём ролей и функций, отдельных актов и операций. При этом, устойчивость связей между участниками организованной группы, в свою очередь, отражает не только высокая степень согласованности их поведения, но и уровень замкнутости, изолированности от общества этого преступного формирования. Таким образом, каждый из вступивших в организованную группу является уже не просто её участником, а членом, независимо от места и выполняемых функций, отведённых ему при осуществлении плана преступной деятельности. Закон не ограничивает участие в организованной группе только

исполнительскими или соисполнительскими действиями, как это имеет место с "группой лиц" [9].

Рядовые участники – члены организованной группы – могут и не знать об отдельных преступлениях, совершённых другими её участниками-членами. В этих случаях они несут ответственность лишь за участие в группе и за лично содеянное ими во исполнение плана её преступной деятельности также по соответствующим статьям Особенной части УК РФ. При этом, следует иметь в виду, что сам факт создания преступной группы, если это специально не предусмотрено в Особенной части УК РФ, влечёт ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана (ст. 35 УК РФ).

Если совершённое организованной группой преступление квалифицируется по статье Особенной части Уголовного кодекса России, где это не предусмотрено в качестве основного или квалифицирующего признака, то в подобных случаях сам факт его совершения организованной группой расценивается как отягчающее обстоятельство при назначении наказания (ст. 63 УК РФ). Вместе с тем, совершённое организованной группой преступление, попадающее под статью (часть статьи) Особенной части Уголовного кодекса России, где это выступает основным или квалифицирующим признаком, влечёт более строгое наказание в пределах санкции этой статьи (части статьи) [10].

Сплочённость как важнейший критерий организованности преступных групп образуют следующие его элементы:

1) организационно-управленческая структура;

2) устойчивый, планируемый, законспирированный характер деятельности;

3) нейтрализация социального контроля;

4) наличие денежных сумм для оплаты услуг;

5) распространение своего влияния либо на определённой территории, либо в определённой экономической области.

В. Быков представляет организованную преступную группу как самостоятельный криминальный тип сообщества, который характеризуется рядом следующих особых признаков:

- выработка в группе собственных взглядов, норм поведения и ценностей ориентации, которых придерживаются все её члены. Нарушители принятых в группе норм поведения подвергаются преследованию, различного рода "судам" и даже расправам. Вся внутренняя жизнь в преступной группе, в основном, ориентирована на совершение ряда преступлений с целью получения крупного дохода. Количество совершаемых преступлений и их тяжесть по мере функционирования группы увеличиваются;

- чётко выраженная иерархическая структура. Группу возглавляет лидер – её организатор и руководитель, к нему примыкают наиболее активные члены преступной группы ("авторитеты"), за ними следуют рядовые участники. В группе может существовать так называемый "оппозиционер", который борется за выдвижение в лидеры, составляет конкуренцию имеющемуся лидеру или

находится в определённой оппозиции к нему, в связи с несогласием с целями или методами преступной деятельности группы;

- наличие лидера в преступной группе также является одним из главных отличительных признаков организованной группы. Поэтому, если при расследовании группового или организованного преступления устанавливается, что в преступной группе есть лидер, то этот признак, наряду с другими, служит основанием для квалификации преступной группы;

- наличие в группе функциональной структуры, которая основана на ролевой дифференциации членов преступной группы в связи с совершением группового или организованного преступления. В организованной преступной группе роли чётко распределяются: одни члены группы участвуют в подготовке преступлений (ведут разведку, подыскивают подходящие объекты преступлений), другие – непосредственно совершают преступления, третьи – обеспечивают хранение, транспортировку и сбыт похищенного. Имея развитую функциональную структуру, организованная группа может использовать сложные способы совершения групповых и организованных преступлений, связанных с их длительной подготовкой, применением различных технических средств и приспособлений, транспорта, при сокрытии совершённых преступлений и похищенного имущества, а также оказывать следственным органам противодействие при расследовании и рассмотрении дела в суде;

- характер отношений в группе. С развитием функциональной структуры межличностные отношения в организованной группе меняют свой характер: личные отношения, основанные на чувстве симпатии, становятся ненужными, так как не способствуют успеху, полностью заменяются деловыми, основанными исключительно на совместном совершении преступлений. Более того, все отношения в группе начинают конспирироваться. В этих целях участники группы стараются не поддерживать между собой заметных связей, лидер группы общается со строго ограниченным кругом своих приближённых, а рядовые члены могут даже его не знать [11];

- порядок распределения преступных доходов группы. Если в группах низкого психологического развития – случайной группы и группы типа компании, преступные доходы во многих случаях распределяются в равных долях между её членами, то в организованных группах прослеживается чёткая линия на присвоение преступных доходов в соответствии с положением её участников в психологической структуре группы: лидер, как правило, забирает себе львиную долю доходов, а его приближённые получают больше, чем рядовые члены преступной группы [12];

- существование в группе специального денежного фонда – "общака", которым распоряжается лидер. Деньги из этого фонда используются для подкупа должностных лиц, а также передаются членам группы, отбывающим наказание.

Таким образом, оценивая признаки организованной группы, следователь и суд должны иметь в виду, что не во всех организованных группах могут проявиться все указанные признаки. Дело в том, что преступная группа – это

живой социальный организм, который развивается от простых групп к сложным, какими и являются организованные преступные группы. Поэтому не все из перечисленных признаков на практике присутствуют во всех группах: всегда могут быть случаи, когда отдельные признаки ещё не сформировались. В случае, когда удалось при расследовании дела и его судебном рассмотрении установить большинство признаков, преступная группа должна быть квалифицирована как организованная [13].

Не изжиты ошибки в оценке наличия предварительного сговора на объединение в организованную группу для совершения преступления. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ в определении по делу М.С. разъяснила, что квалификация преступления, совершённого организованной группой, предполагает, что виновные заранее объединились в устойчивую организованную группу для совершения одного или нескольких преступлений [14].

Закон гласит, что преступное сообщество является, прежде всего, организованной группой со всеми характерными для неё признаками:

а) сплочённость;

б) создание данного преступного объединения лиц для совершения многих преступлений;

в) создание этого формирования для совершения именно тяжких или особо тяжких преступлений;

г) объединение нескольких организованных групп в тех же целях [15].

Признак сплочённости (помимо устойчивости) характеризует более высокую степень согласованности преступной деятельности участников – членов преступного сообщества (по сравнению с организованной группой). Устойчивость и сплочённость данного преступного формирования, его изначальная нацеленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений характеризуют также весьма высокую степень опасности этого вида соучастия. Это в полной мере учитывается законодательством в особенностях конструкции составов преступлений.

Под устойчивостью преступного сообщества понимается наличие постоянных связей между его членами и специфических методов деятельности по подготовке или совершению одного или нескольких преступлений. Устойчивость сообщества предполагает предварительную договорённость и соорганизованность.

Устойчивость и сплочённость преступного сообщества предопределяют более или менее продолжительную преступную деятельность. Учитывая опасность этих преступлений, ради которых формируется преступное сообщество, законодатель саму организацию и участие в преступных сообществах относит к самостоятельным преступлениям.

Н. Ткачёв и М. Миненок определяют преступную организацию как постоянно действующее, устойчивое объединение преступников с разветвлённой иерархической структурой, включающей относительно автономные и дифференцированные по функциональной роли преступные

образования (группы), деятельность которых координируется и направляется единым управленческим органом. Совокупность организованных групп и преступных организаций составляет организованную преступность. Установление статистических данных о численности и соотношении приведённых форм преступных объединений вместе с их качественными характеристиками – необходимое условие для эффективных направлений борьбы с преступными объединениями.

В.В. Лунеев отмечает, что преступное сообщество действует путём:

а) постоянного сбора необходимой информации для преступного сообщества о выгодных направлениях преступной деятельности и возможных путях провала. При планировании преступной деятельности прогноз носит самоорганизующий характер, то есть преступники действуют в направлении его непременного осуществления;

б) нейтрализации и постепенного коррумпирования правоохранительных и иных государственных органов [16];

в) профессионального использования основных социально-экономических институтов и условий, действующих в стране, в целях создания внешней законности своей преступной деятельности;

г) распространения слухов и страхов о своём могуществе, что деморализует свидетелей и потерпевших [17];

д) организации такой структуры управления преступной деятельностью, которая избавляет её руководителей от необходимости непосредственной организации конкретных деяний или от участия в их совершении. А это значит, что они успешно избегают уголовной ответственности. С привлечением к уголовной ответственности отдельных лиц или подгрупп преступное сообщество сохраняется, обеспечивая преданных ему людей необходимой помощью;

е) совершения различных преступлений при ведущей и доминирующей мотивации достижения корыстной цели и контроля (власти) в какой-то сфере или на какой-то территории. Корыстная направленность – это становой хребет организованной преступности при совершении любых преступлений. Расширительное толкование общественно опасных действий всегда было ущербным как для реализации принципа неотвратимости наказания, так и для соблюдения принципа законности.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что организованная преступность – сложное и многоплановое явление.

Литература и источники:

1. Трайнин, А. И. Общее учение о составе преступления / А. И. Трайнин. – М. : Юрид. изд-во НЮО СССР, 1941. – С. 83.

2 Криминология : учебник для вузов / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М. : Юристъ, 1997. – С. 265.

3. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Уголовное уложение / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Наука, 1972. – С. 1 – 458.

4. Трайнин, А. И. Общее учение о составе преступления / А. И. Трайнин. – М. : Юрид. изд-во НЮО СССР, 1941. – С. 85.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – С. 459 – 516.

6. Российское законодательство X – XX веков. В 9 т. Т. 9. Именной высочайший Указ правительственного Сената о временных правилах об обществах и союзах / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Наука, 1972. – С. 206.

7. Гуров, А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность / А. И. Гуров. – М. : Юрид. лит., 1990. – С. 108 – 122 ; Разинкин, А. Элита преступного мира. Цветная масть / В. Разинкин, В. Тарабрин. – М. : Вече, 1997. – С. 98 ; Басалаев, А. Н. Этапы развития организованной преступности. Организованная преступность – угроза культуре и державности России : научно-практическая конференция / А. Н. Басалаев. – Спб. : издательский дом «Бизнес-Пресса», изд-во В. И. Михайлова, 1998. – С. 94 – 95 ; Российская преступность / А. Максимов. – М. : Эксмо-Пресс, 1998. – С. 8 – 35.

8. Организованная преступность. Сб. 4. Криминологическая ассоциация / под ред. А. И. Долговой. – М. : Крим. ассоц., 1998. – С. 154.

9. Уголовное право России (общая часть) : учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М. : Юристъ, 1996. – С. 120.

10. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации : комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / под ред. Г. М. Резника. – М. : ВолтерсКлувер, 2005. – С. 368.

11. Иванов, И. Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательного регулирования / И. Г. Иванов // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 15.

12. Быков, В. Что же такое организованная преступная группа? / В. Быков // Российская юстиция. – 1995. – № 10. – С. 11.

13. Лозовицкая, Г. П. Соотношение уголовно-правового и криминологического понятий организованной группы и преступного сообщества / Г. П. Лозовицкая // Современное право. – 2005. – № 1. – С. 34.

14. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 1998. – № 11. – С. 10.

15. Алексеев, В. А. Организованная преступность: криминализация функций участников преступных формирований / В. А. Алексеев, И. Н. Борисов, А. С. Емельянов // Сов. государство и право. – 1991. – № 10. – С. 32.

16. Миненок, Н. Объединения преступников: формы и специфические признаки / Н. Миненок, Н. Ткачёв // Социалистическая законность. – 1991. – № 12. – С. 17.

17. Лунеев, В. В. Что такое организованная преступность? / В. В. Лунеев ; под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. – М. : Юрид. лит., 1989. – С. 21.